

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'42

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-73-81>

Способы создания негативного образа России в политическом дискурсе Грузии

О. Ф. Ахметгареева¹ ✉

¹Военный университет Министерства Обороны
Волочаевский проезд, д. 3/4, г. Москва 111033, Российская Федерация

✉ e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Резюме

Важность данного исследования объясняется непосредственной связью рассматриваемой в нем проблематики с приоритетными направлениями развития современной антропоцентрически и функционально ориентированной лингвистики, обуславливающими научный интерес к изучению языка и проблематике речевого воздействия на сознание индивидов, в том числе к эксплицитной форме воздействия. В статье рассматриваются некоторые способы создания образа России в политическом дискурсе современной Грузии в условиях межгосударственного конфликта, активно применяемые в информационной войне и реализуемые путем использования тактики создания образа врага, что представляется наивысшей формой дискредитации имиджа России. В работе освещаются особенности функционирования языковых средств, используемые в технологии демонизации противника с учетом таких факторов, как ситуация общения, ее характеристики. Правильное использование способов речевого воздействия, их выразительных возможностей способствует достижению желаемого результата.

Данное исследование актуально для специалистов, занимающихся изучением дискурса, национальных и лингвокультурных особенностей политического дискурса, а также для лиц, интересующихся способами создания негативных образов вероятного противника у массового адресата.

Ключевые слова: информационная война; государственность; национализм; политическая коммуникация; дискурс; демонизация; агрессия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ахметгареева О. Ф. Способы создания негативного образа России в политическом дискурсе Грузии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 2. С. 73-81. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-73-81>.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023 Статья подписана в печать 14.06.2023 Статья опубликована 05.09.2023

Ways to Create a Negative Image of Russia in Georgia's Political Discourse

Oksana F. Akhmetgareeva¹✉

¹Military University of the Ministry of Defense

^{3/4}, Volochaevsky proezd, Moscow 111033, Russian Federation

✉ e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Abstract

The importance of this study due to the direct linkage of such issues to the priority directions of development of modern anthropocentric and functionally oriented linguistics that contributes to scientific interest in the study of language and issues of speech influence on the consciousness of individuals, including the explicit form of exposure. This article discusses some ways of creating the image of Russia in political discourse of modern Georgia in inter-state conflict that is actively used in information war and implemented by the use of the tactic of creating an enemy image, which appears to be the highest form of discrediting Russia's image. The paper highlights the features of the functioning of language tools used in the technology of demonization of the enemy, taking into account factors such as the situation of communication, its characteristics. Proper use of methods of speech influence, their expressive capabilities helps to achieve the desired result.

This study is relevant for specialists engaged in the study of discourse, national and linguistic and cultural features of political discourse, as well as for those interested in ways to create negative images of the likely enemy of the mass addressee.

Keywords: information war; statehood; nationalism; political communication; discourse; demonization; aggression.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Akhmetgareeva O. F. Ways to Create a Negative Image of Russia in Georgia's Political Discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(2): 73–81 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-73-81>.

Received 04.03.2023

Accepted 14.06.2023

Published 05.09.2023

Введение

Дискурсивный подход к изучению политических текстов подразумевает изучение их в конкретно заданной/ сложившейся политической ситуации, в отношении исследуемого текста с другими текстами и обязательным учетом идеологических и ценностных установок, транслируемых адресату, а также целеустановок автора текста, т.е. его интенций, эксплицитных или имплицитных. Устойчивый интерес к таким исследованиям объясняется политизированностью современного общества, тесным сотрудничеством политических элит со средствами массовой информации.

Понятие «дискурс» характеризуется многозначностью, что объясняет его применение многими авторами в значениях практически омонимичных. Дискурс (франц. discours, англ. discourse) - это: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [1]. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей, теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки [2].

В работах М.Фуко дискурс определен как «совокупность всего высказанного и произнесенного», а так же, как «расчлененные мыслительные представления, выраженные последовательным сочетанием словесных знаков» [3].

Под политическим дискурсом, вслед за Е.И. Шейгал, нами понимается «любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе» [4]. Дискурсивное проявление любой власти, в том числе и политической, реализуется в системе коммуникации между различными ее субъектами.

Политические и идеологические перемены и трансформации, произошедшие на постсоветском пространстве в конце 2000-х – начале 2010-х гг., способствовали проявлению новых националистических тенденций в государствах бывшего СССР. Положение Грузии в условиях сложившейся национальной ситуации отличалось от положения других постсоветских государств, так как в 1990-е годы контроль над «негрузинскими языковыми» территориями был утрачен, сохранив лишь то территориальное ядро, которое вошло в границы современной грузинской государственности¹. Центром внимания грузинских политиков, в условиях активизировавшегося участия в публичной внутривнутриполитической и международной коммуникации, стала проблема взаимоотношений между Россией и Грузией. Особенно остро это проявилось после вооруженного конфликта в Южной Осетии, военного противостояния в августе 2008 г. между Грузией, с одной стороны, и Россией вместе с непризнанными республиками Южная Осетия и Абхазия, с другой. По мнению С.Н. Гриняева, Россия впервые столкнулась с полномасштабной информационной агрессией со стороны стран Запада, объединенных в военно-политическом блоке НАТО под руковод-

ством США. «Происходило формирование негативного образа России как агрессора. На такую удобренную почву потом упали информационные зерна с обвинениями России в нападении на Грузию» [5]. Мировое сообщество смотрело на конфликт глазами Тбилиси.

Осознание важной роли языка в мире политической коммуникации способствовало возникновению лингвистической проблемы соотношения языка и власти, агитации, пропаганды и политической рекламы, информативности и убедительности в политической коммуникации, изучения языка как инструмента политической власти и использования языка с целью воздействия на сознание общественных масс. В этом плане дискурсивное исследование одного из концептуальных документов национального уровня «Концепция национальной безопасности Грузии» [6] представляется нам важным, так как в нем нашли свое отражение направления внешней и внутренней политики Грузии, а также ее отношение к Российской Федерации. Кроме того, в документе отражены вопросы этничности, способствующие формированию массовых представлений людей в сфере межгосударственных, межэтнических отношений.

Целью нашего исследования является выделение и анализ лексем, применяемых для демонизации образа России в политическом дискурсе современной Грузии. Материалом для исследования служит «Концепция национальной безопасности Грузии», так как употребляемые в ней языковые (лексические) средства находят свое применение при формировании положительных или отрицательных образов как государств в целом (Грузия – Россия), так и отдельных политиков (Саакашвили – Путин). Эти средства реализуются в стратегиях и тактиках, применяемых в политической коммуникации, и выступают одним из эффективных оружий в информационных войнах. Основоположниками понятия «информационная война» считают воен-

¹ Более подробно см.: Военный обзор. URL: <https://militaryarms.ru>

ных экспертов, разработавших и сформулировавших доктрину информационной войны и знающих отдельные ее виды: штабная война, электронная война, психологические операции и др. На сегодняшний день специалисты, интересующиеся вопросами «информационных войн», оперируют несколькими десятками различных ее формулировок, в той или иной степени отражающими все стороны данного явления. Тем не менее, наличие разнообразных подходов и толкований, имеющих индивидуальные достоинства и недостатки, не позволяют отдать абсолютное предпочтение ни одному из них. Общей чертой, характерной для многочисленных определений, является фокусирование внимания заинтересованного исследователя на тех конфликтно маркированных социальных явлениях, взаимоотношениях и коммуникативных процессах, которые можно выделить в отдельную группу с условным наименованием «информационная война».

Профессор Цымбал В.И., один из авторитетных отечественных специалистов в области информационного противоборства, выделяет в информационной войне широкий и узкий смысл, где в широком смысле информационная война – один из способов противостояния между государствами, которое осуществляется, главным образом, в мирное время, где объектом воздействия, наряду с вооруженными силами, являются: гражданское население, общество в целом, государственные административные системы, структуры производственного управления, наука, культура и т.д. В узком смысле информационная война есть один из способов достижения подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки, использования информации для выработки эффективных административных решений, а также успешного осуществления мероприятий по достижению превосходства над противником [7].

В «Большом юридическом словаре» дается следующая трактовка понятия:

«Информационная война – действия, направленные на достижение информационного превосходства, поддержку национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственника информации» [8].

В отличие от вооруженных конфликтов, где тысячи людей, испытывая физическую боль и телесные страдания, становятся жертвами, информационная война бескровна. Мишенью информационной войны является сознание людей, их идеология, исповедуемые ими ценности. Средство нападения, применяемое в информационной войне, не стреляет, не взрывается, не наносит телесных повреждений, не причиняет увечий. И это средство – СЛОВО, при эффективном применении которого информация сегодня стала настолько мощным фактором, что при правильном ее дозировании и использовании возможно оказывать значительное влияние на историческое развитие глобализирующегося общества, а также на социально-экономические и политические процессы. Неограниченными возможностями глобального информационно-коммуникативного пространства стремятся максимально воспользоваться политики, просторы Интернет и СМИ превратились в обширное поле коммуникативной деятельности, а текст – в эффективное орудие воздействия на массовую аудиторию. Это непосредственно касается политиков, которые в силу своей профессиональной деятельности вынуждены выступать с обращениями, общаться с многочисленной аудиторией и профессионально занимаются обеспечением взаимопонимания, урегулированием конфликтов, поиском новых форм общения в глобальном информационном пространстве, активно используя языковые средства идеологического воздействия. Информационное оружие выполняет функцию проводника идей, необходимых для

манипулирования сознанием общественных масс.

За политическим дискурсом и реализуемыми в нем языковыми средствами стоит политическая власть, которая фактически порождает систему языковых норм и языкового кода, обеспечивающего коммуникативную связь, а тем самым символическое господство и регулирование социально-политических отношений. Острая необходимость знания и понимания настроения участников/коммуникантов политического дискурса, а также их отношения к важным общественно-политическим событиям, возникает в периоды «информационных войн», когда мировому сообществу подается поток информации, не соответствующей реальным событиям, что способствует формированию у него искаженного представления о причинах, сути, характере межгосударственного или локального конфликта. Для каждой из конфликтующих сторон приоритетной задачей является формирование положительного имиджа для себя и демонизация образа противника как в глазах мирового сообщества, так и в сознании своих граждан.

В статье политический дискурс рассматривается в контексте заданной ситуации, существующей культурной традиции и в контексте господствующей идеологии в современной Грузии. Системное изучение политического дискурса с точки зрения современной лингвистики позволяет выявить способы и средства языкового выражения различных стереотипов и предубеждений, определить методы формирования образов отдельных политических лидеров и/или государств. Межэтнические конфликты и военные действия выступают своего рода катализатором языковых стратегий и тактик, наиболее частотно применяемых в период межгосударственных вооруженных противостояний. Интенсивное информационное сопровождение значимых социально-политических событий в своих интересах способствовало возникнове-

нию понятия «информационная война». Коммуникативные границы политического дискурса не ограничены, а глобальное информационно-коммуникативное пространство является «плацдармом» для ведения информационных войн, проводимых параллельно с боевыми действиями.

Результаты и обсуждение

Изучение лексической составляющей дискурса представляет особый интерес, т.к. её специфика заключается не столько в применении каких-либо особенных языковых структур в тексте, сколько в таком изменении соотношения между означаемым и означающим, при котором лексические единицы хорошо знакомого языка получают «нужную» автору текста интерпретацию, а изначально понятные адресату ситуации также получают освещение «в нужном ракурсе», в результате чего вещи «перестают называться своими именами», например, *ruseTis federaciis mxridan axali samxedro agresiis riski* – *риск новой военной агрессии со стороны Российской Федерации*. Слово сочетание «военная агрессия» выступает эвфемизмом лексемы «война». Соответственно частотное употребление данного словосочетания создает негативный образ России в целом и вооруженных сил Российской Федерации в частности.

Для политического текста характерно наличие некоторых неэксплицитных смыслов, отличных от буквальных и, быть может, прямо противоположных им. Часто считается, что этот самый неэксплицитный смысл и есть «истинный» смысл политического текста [9].

Например:

ruseTis faderaciis samxedro agresiam gaauaresa mTeli kavkasiis regionis usafrTxoebis garemo. – *Военная агрессия Российской Федерации ухудшила сферу безопасности всего кавказского региона.*

В данном примере истинным смыслом выступает тезис о том, что крупный стратегический регион находится под угрозой, а агрессором является Россия.

Наиболее значимые явления мировой политики находят свое отражение в печатных изданиях информационного характера, СМИ, и, конечно же, глобальной сети Интернет, где в информационных атаках реализуются различные стратегии и тактики речевого воздействия, характерные для политического дискурса. По нашему мнению, в ситуации активного политического противостояния использование языковых средств воздействия на массового адресата представляет собой совокупность взаимосвязанных действий, направленных на достижение главной цели – политической победы.

Положение о неотделимости языка от человеческой деятельности обусловило рассмотрение языка как инструмента воздействия. В коммуникации адресант, реализуя в речи свою прагматическую задачу, придерживаясь выбранных им стратегий и тактик воздействия на адресата, выбирает определенные средства языка и организует их так, чтобы они сделали возможным требуемое адресанту декодирование данного высказывания.

Речевой аспект охватывает процессы комбинирования языковых средств в тексте для выражения в нем определенного концептуально-тематического содержания, руководствуясь основной стратегической целью. Стратегия демонизации противника в случае применения тактики создания образа врага реализуется путем прагматического фокусирования в тексте интегративного образа «чужого» [10] в лице концептов *okupanTi* «оккупант» и *agresori* «агрессор», представляющих угрозу всему человечеству и, в особенности, грузинам и их «братьям» – абхазам и осетинам.

Помимо выделенных концептов, в границах оппозиции «свое» – «чужое» в современном грузинском политическом дискурсе употребляются различные лексемы, дифференцирующие круг «своих» и круг «чужих». Семантическая оппозиция «свои – чужие» – знаковая в политической коммуникации. Данная дихотомия

реализуется посредством включения в политический дискурс языковых и неязыковых средств (номинаций, лозунгов, символов и др.), политик добивается сильнейшего перлокутивного эффекта, позволяющего мобилизовать силы *своих* сторонников в противостоянии с политическими оппонентами – *чужими*.

В «Концепции национальной безопасности Грузии» круг «своих» представлен следующими словосочетаниями:

- *TanamSromloba samxreT kavkasiaSi* – сотрудничество на Южном Кавказе;
- *amerikis SeerTebul Stateb Tan Tanam Sromloba* – сотрудничество с США;
- *ukrainasTan TanamSromloba* – сотрудничество с Украиной;
- *TurqeTTan TanamSromloba* – сотрудничество с Турцией.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют основные направления для сотрудничества во внешней политике Грузии. Россия в круг «своих» в данном контексте не входит.

Стратегия «демонизации» противника выступает одним из главных методов такой войны. Эффект демонизации заключается в целенаправленном создании негативного, отталкивающего образа противника, в результате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло. Думается, что этот прием наиболее востребован в рамках информационных войн, так как он ориентирован на разрушение положительного образа противника, «награждая» его качествами, несовместимыми с разделяемыми мировым сообществом ценностями.

В изученном нами документе «Концепция национальной безопасности Грузии» Россия представляется как агрессор и оккупант, посягнувший на территориальную целостность другого государства, оккупировавший часть его территорий, создавший условия для вынужденного переселения жителей. Причем авторы документа подчеркивают, что Грузия являлась жертвой агрессивной политики России еще с начала прошлого столетия:

- saqarTvelo me-20 saukunis dasawyisSi ukve gaxda ruseTis agresiiis msxverpli... - В начале 20-го века Грузия уже стала жертвой российской агрессии;

- 70 wlis ganmavlobaSi sabWoTa okupaciis pirobebSi arsebobda - Существование на протяжении 70 лет в условиях советской оккупации.

Звучат обвинения в поддержке Россией сепаратистских движений в Грузии:

1990-iani wlebis dasawyisSi ruseTis mier inspirirebuli da mxardaWerili agresuli separatistuli moZraobebi SeiaraRebul dapirispirebaSi gadaizarda - В начале 1990-х годов инспирированные и поддержанные Россией агрессивные сепаратистские движения переросли в вооруженное противостояние...

Одним из самых доступных и эффективных способов достижения целей при использовании стратегии демонизации в политическом дискурсе является использование номинаций (msxverpli «жертва», samxedro agresia «военная агрессия», axali rusuli agresiiis riski «риск новой русской агрессии», saqarTvelos okupirebuli teritoriebi «окупированные территории Грузии»), обозначающих абсолютное зло по отношению к политическому оппоненту. Игнорирование общечеловеческих ценностей, представлений о добре и зле, о лжи и об истине – а именно такой предстает перед грузинским адресатом Россия – выводит её действия за пределы человеческих норм, принятых цивилизованным сообществом. Демонизация образа России посредством частотного употребления таких лексических единиц, как «агрессор», «оккупант» в конечном итоге подразумевает фактическую деморализацию противника и создания вокруг него отрицательного смыслового и ассоциативного поля. Следующие цитаты из указанного документа наглядно это иллюстрируют:

- ruseTis federaciam 2008 wlis agvistoSi morigi samxedro agresia ganaxorciela - В августе 2008 года Российской Федерации

ей была организована очередная военная агрессия;

- saqarTvelos okupirebuli teritoriebis deokupacia - Деокупация оккупированных территорий Грузии;

- 2008 wlis agvistoSi ruseTis federaciis samxedro agresiiis saboloo mizani iyo ara mxolod saqarTvelos teritoriebis okupacia an/da marionetuli reJimebis saerTaSoriso aRiareba... - Конечной целью военной агрессии со стороны РФ были не только оккупация грузинских территорий, но и международное признание марионеточных режимов...;

- man 2008 wlis agresiiis Semdeg dabloka saqarTveloSi gaeros sadamkvirvelo misiisa da euTos misiis muSaoba... - она (Россия) после агрессии 2008 года заблокировала работу наблюдателей миссий ООН и ОБСЕ...;

- yovelive zemoaRniSnulidan gamomdinare, arsebobs axali rusuli agresiiis potenciuri riski. - Исходя из всего вышеперечисленного (можно сделать вывод, что), существует потенциальный риск новой русской агрессии;

- saqarTvelos okupirebuli teritoriebidan iZulebiT gadaadgilebul pirTa da ltolvilTa uflebebis darRveva - нарушение прав беженцев и вынужденных переселенцев с оккупированных территорий Грузии;

- mniSvnelovania okupirebul teritoriebze mcxovreba saqarTvelos moqalaqeebTan kontaktebis gaRrmaveba. - Важно углубление контактов жителей оккупированных территорий с гражданами Грузии;

- ruseTis federaciis mier saqarTvelos teritoriis nawilis okupacia arRvevs mis suverenitets... - Оккупация части территорий Грузии Российской Федерацией нарушает ее (Грузии) суверенитет;

- okupirebuli regionebs intensiuri militarizacia... - интенсивная милитаризация оккупированных регионов...;

- grZeldeba okupirebul teritoriebze mcxovrebi moqalaqeebis sistematuri devna eTnikur niadagze. - На оккупированных территориях продолжаются гонения жителей на этнической почве;

Выводы

«Концепция национальной безопасности Грузии» занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса и является текстом политическим, своего рода политическим перформативом, цель которого – оказать более эффективное воздействие на общественное сознание нации – на массового адресата. Политический перформатив обладает мощным прагматическим потенциалом интеллектуального и идеологического воздействия.

Достижение прагматического эффекта в грузинском политическом дискурсе осуществляется за счет использования строгой политической и идеологической семантики лексических единиц.

Примерами используемой в изученном нами документе лексики с положительной прагматикой выступают: *suvereniteti* (суверенитет) – 21 раз, *erovnuli usafrTxoeba* (национальная безопасность) – 48 раз, *erovnuli interesebi* (национальные интересы) – 3 раза, *samarTlis normebi* (правовые нормы) – 4 раза, *Tavisufleba* (свобода) – 36 раз, *damoukidebloba* (независимость) – 13 раз.

В подклассе языковых средств с отрицательной прагматикой представлены прагматически сильные лексемы и словосочетания типа: *okupacia* (оккупация) – 16 раз, *ოკუპირებული ტერიტორიები* – (оккупированные территории) 21 раз,

agresia (агрессия) – 17 раз, *საფრთხე* (угроза) – 18 раз, *riski* (риск) – 9 раз, *gamowvevebi* (вызовы) – 26 раз и др., которые осуществляют мощное отрицательное воздействие на адресата. Анализ лексики с отрицательной прагматикой показал, что эта пугающая негативная информация способна повлечь изменения в политической и социальной жизни страны в связи с повышенным вниманием общества к отрицательным фактам.

Отрицательная прагматика используемой политиками Грузии лексики характеризует серьезность и напряженность политической ситуации в стране и имплицитно призывает и мобилизует на противостояние действиям России, что не самым лучшим образом отражается на межгосударственных взаимоотношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что выявленные и проанализированные лексемы в политическом тексте «Концепции национальной безопасности Грузии» используются целенаправленно и последовательно, затрагивая поверхностный и глубинный уровни формирования текстового сообщения, что способствует созданию эффекта демонизации России. Стратегия демонизации, реализуемая путем использования тактики создания образа врага, представляется наивысшей формой дискредитации образа России в ходе информационной войны и, несомненно, заслуживает дальнейшего исследования.

Список литературы

1. URL: <https://www.livelib.ru/book/106256/readpart-politicheskaya-lingvistika-a-p-chudinov/> (дата обращения: 25.08.2019).
2. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
3. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника – центр, 1996.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. С. 24.
5. Гриняев С.Н. Информационная война на Кавказе или как из черного делали белое. URL: <http://www.infwar.ru/article.php?num=80> (дата обращения: 24.10.2022)
6. URL: http://www.civil.ge/files/files/2011/NationalSecurity_ConceptDraft.pdf (дата обращения: 24.10.2022)

7. Цымбал В.И. О концепции информационной войны // Безопасность: информационный сборник. 1995. № 4.
8. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М. : Книжный мир, 2012. С. 216.
9. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник, 1986. М.: Наука, 1987. С. 407.
10. Иванов В.С., Топоров В.Н. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. С. 63-218.

References

1. Available at: <https://www.livelib.ru/book/106256/readpart-politicheskaya-lingvistika-a-p-chudinov/> (accessed 25.08.2019).
2. Nikolaeva T.M. [A short dictionary of text linguistics terms]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vyp.VIII. Lingvistika teksta. Moscow, Progress Publ., 1978 (In Russ.).
3. Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Kiev, Nika – centr Publ., 1996.
4. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ., 2000. P. 24.
5. Grinyaev S.N. *Informacionnaya vojna na Kavkaze ili kak iz chernogo delali beloe* [The information war in the Caucasus or how black was made into white]. Available at: <http://www.infwar.ru/article.php?num=80> (accessed 24.10.2022)
6. Available at: http://www.civil.ge/files/files/2011/NationalSecurity_ConceptDraft.pdf (accessed 24.10.2022).
7. Cymbal V.I. O koncepcii informacionnoj vojny [About the concept of information warfare]. *Bezopasnost. Informacionnyj sbornik* ["Security". Information collection], 1995, no. 4.
8. Borisov A. B. Bol'shoj yuridicheskij slovar' [Large legal Dictionary]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2012. P. 216.
9. Parshin P.B. Lingvisticheskie metody v konceptual'noj rekonstrukcii [Linguistic methods in conceptual reconstruction]. *Sistemnye issledovaniya* [System studies]. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 407.
10. Ivanov V.S., Toporov V.N. [On the question of the reconstruction of the content plan of the ancient Slavic system]. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 63-218 (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Ахметгареева Оксана Федоровна, старший преподаватель кафедры языков и культур СНГ, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Oksana F. Akhmetgareeva, Senior Lecturer of the Department of Languages and Cultures of the CIS of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: oksanafed1979@mail.ru